

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

ПРОРЫВ «ЗВЕРОБОЕВ»

**НА ОСТРИЕ
ТАНКОВЫХ УДАРОВ**

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин

**Прорыв «Зверобоев». На
острие танковых ударов**

«Яуза»

2014

Першанин В. Н.

Прорыв «Зверобоев». На острие танковых ударов /
В. Н. Першанин — «Яуза», 2014 — (Война. Штрафбат. Они
сражались за Родину)

НОВЫЙ роман от автора бестселлеров «“Зверобой” против “Тигров”» и «Командир штрафной роты». Фронтовая правда советских самоходчиков, воевавших на тяжелых СУ-152, которые стали грозой немецких «Тигров» и «Пантер», заслужив почетное прозвище «ЗВЕРОБОИ». Лето 1944 года. Наши войска наступают на всех фронтах, но до Берлина еще далеко, а сопротивление Вермахта и войск СС становится все более ожесточенным. На острие главных ударов Красной Армии идут сталинские «зверобой» с мощнейшими 152-мм пушками и сильной броней, предназначенные для прорыва узлов обороны. Их бросают в бой на самых важных направлениях и самых опасных участках. Они – резерв Верховного Главнокомандования, элита советской артиллерии и танковых войск. Их гвардейским экипажам предстоит громить бетонные доты и вместе со штурмовыми группами брать вражеские города, жечь тяжелые немецкие танцы и бронепоезда – и самим гореть заживо в подбитых САУ...

© Першанин В. Н., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Глава 1. Карпаты, июль сорок четвертого	5
Глава 2. «Пантера» – опасная «кошка»	15
Глава 3. Командир батареи Чистяков	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Першанин

Прорыв «Зверобоев». На острие танковых ударов

Глава 1. Карпаты, июль сорок четвертого

Стрельба впереди понемногу смолкала. Прозвенела, набирая высоту, мина, и взорвалась, раскидав сноп камней. Отстучала одна-другая пулеметная очередь, хлопнули несколько выстрелов, и наступила временная тишина.

К старшему лейтенанту Чистякову, командиру батареи тяжелых самоходно-артиллерийских установок СУ-152, подошел танковый комбат Антон Болотов.

– Ты видел? Разведка накрылась.

Капитан мог бы об этом не сообщать, Александр Чистяков наблюдал все сам. Головная «тридцатьчетверка» получила попадание в лоб и сразу вспыхнула. Вторая машина крутнулась, уходя от удара, но болванка врезалась в башню, сорвав ее с погона. Механик-водитель сумел загнать танк под скалу, однако «тридцатьчетверка» поймалала еще один снаряд.

Третья машина во взводе разведки, легкий Т-70 горел посреди извилистой каменистой дороги, рядом лежало тело одного из танкистов, комбинезон на нем дымился, а затем вспыхнул.

От «тридцатьчетверки» с накренившейся башней, прижавшейся к скале, бежал стрелок-радист. Механик оставался возле полуразбитой машины с сорванной гусеницей. В руках он держал автомат и наблюдал за поворотом. Командир танка и башнер, видимо, погибли. Стрелок-радист, тяжело дыша, пытался доложить о случившемся, но из горла вырывалось лишь хрипение.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил капитан Болотов.

– Воды ему дайте, – хмуро посоветовал Александр Чистяков. – Пусть отдышится.

Старшему лейтенанту не нравилась торопливость, с которой комбат сунул в эту дыру между скал танковый взвод. Немецкая артиллерия разнесла его в считанные минуты. Хорошо, хоть роту не бросил!

Наконец отдышавшийся радист доложил, что командир танка погиб, а башнера всего смяло, лежит без сознания. Машина вышла из строя, уцелел лишь курсовой пулемет.

– На хрен мне твой пулемет! – переступал с ноги на ногу Антон Болотов. – Кто стрелял по вам? Сколько огневых точек видел?

– Стреляли, – кивнул контуженный паренек. – Шарахнуло так, что я на минуту отключился. Очухался, а сверху кровь течет. Лейтенанта снарядом разорвало.

Радист снял танкошлем. Волосы на затылке слиплись от крови, пальцы сбиты. Что он мог видеть в своем закутке рядом с рацией через узкую смотровую щель?

– Слушай, Болотов, ты бы людей послал башнера вытащить, – сказал Чистяков.

Капитан отдал распоряжение, и вдоль скалы побежали к «тридцатьчетверке» двое санитаров.

– Дырка от снаряда большая? – спросил старший лейтенант.

– Средняя... вот такого размера. Но броню пробила, и лейтенанта, считай, на две половинки.

Парень стал показывать на пальцах примерный калибр немецкого снаряда. Выронил шлем, а когда стали его поднимать, шатнулся и едва не упал. Радиста подхватили и уложили на куртку. Санинструктор, быстро ощутив тело, сказал:

- У него сотрясение мозга и ребра сломаны. В санроту надо срочно.
- Уносите, – отмахнулся комбат.

Мгновенная гибель разведки вызвала у Болотова растерянность и одновременно раздражение.

- Пушка калибра 75 миллиметров сработала, – заметил Чистяков.

- Какая теперь разница? Три машины в момент. Вот сволочи.

– Разница в том, что если там орудие «восемь – восемь» установлено, то к нему не подсунешься. Впрочем, на таком расстоянии и «семидесятипятка» любую броню возьмет.

Тем временем немецкие минометчики исхитрились и запустили несколько мин, стараясь достать подбитый танк. Машину защищала скала, но фосфорный заряд разлетелся о камни шагах в десяти от «тридцатьчетверки».

Комки горячей зеленой массы усеяли дорогу, шипя пожирали краску на борту танка. Механик-водитель, судя по всему, не из робких, спихивал их с брони подобранной веткой. Ветка вспыхнула, как факел, обдав брызгами механика. Тот с руганью отбросил ее прочь. Санитаров, резво тащивших на носилках раненого, обстреляли из пулемета. Пули их не достали, но прошли совсем рядом, выбив фонтанчики искр из битого в крошево камня.

Санитары шарахнулись ближе к скале, едва не выронив носилки. С минуту стояли неподвижно.

- Чего застыли? – крикнул Болотов. – Бегом!

Тем временем механик, кого-то увидев, дал несколько очередей из автомата. В ответ снова заискрилась от пуль каменистая дорога.

– Добьют они его или в плен возьмут, – закуривая, проговорил Чистяков. – Группа подберется, мы их и не увидим за танком. Дай команду поджечь машину, ее под огнем не вытащишь. А парень пусть уходит, пока не поздно.

– Разбросался ты чужими танками, – огрызнулся Болотов. – Исправную машину бросать. Надо...

Закончить фразу комбат не успел. Немцы все же подобрались к «тридцатьчетверке». Механик их разглядел, дал очередь и, бросив в люк гранату, стал отступать вдоль скалы. Граната танк не подожгла, а немец в массивной каске догнал механика-водителя длинной очередью. Все это происходило на глазах у командиров и кучки десантников.

- Стреляйте, чего ждете? – закричал Болотов. – Танк поджечь!

По немцу открыли огонь из автоматов и пистолетов, но фриц хладнокровно добил механика. Штурмовая группа, не сумев взять русского танкиста живьем, заложила мину и скрылась. Раздался взрыв, сдетонировал запас снарядов, башню сорвало, из круглого отверстия хлестало пламя.

Кто-то матерился, кто-то продолжал стрелять непонятно куда. Танк был обречен, это понимали все. А вот механика-водителя можно было спасти.

– Ну что, еще один взвод по дороге пустишь? – ядовито спросил старший лейтенант Чистяков, разозлившись на комбата за гибель смелого парня, защищавшего до последнего свой полуразбитый танк.

– Может, и пушу, – завелся Антон Болотов. – Под прикрытием твоих «зверобоев». У них броня в два раза толще.

- Хрен я тебе своих ребят гробить дам. Башкой сначала надо поработать, а потом лезть.

Конечно, разведка была необходима, однако капитан Болотов явно поторопился. И без того было ясно, что основная дорога простреливается насквозь, а возвращения двух мотоциклетных разведгрупп, посланных на фланги, не дождались.

В очередной раз сказалась спешка, вечное «давай-давай!», угробившая за войну огромное количество солдатских жизней. И вот сегодня за несколько минут сгорели три танка, и

снова проклятая спешка унесла жизни еще девяти человек. Командир десантной роты как предчувствовал, сняв своих людей с брони. А то бы не девять, а все тридцать накрылись.

Наступление 1-го Украинского фронта, которое в штабных документах именовалось как Львовско– Сандомирская наступательная операция, начиналось в целом успешно. За первые два дня с 13 июля сорок четвертого года войска продвинулись с боями на 20–30 километров. Для горной местности это было не так плохо, хотя потери несли большие.

Южнее, на Львовском направлении, наступление тормозилось. Горная местность, бетонные укрепления, высокая плотность артиллерии вермахта. Там сгорали, как в топке, целые полки и батальоны. Командующий фронтом маршал Конев вводил в действия новые подразделения, не считаясь с потерями. Чего на них оглядываться, когда есть приказ Верховного!

Командование всех уровней торопило войска. Танковому батальону с двумя десантными ротами, предписывалось выбить хорошо укрепленный немецкий заслон с каменистого гребня, который держал под обстрелом извилистую горную дорогу. В помощь была придана батарея тяжелых самоходок.

Хорошо сказано: выбить врага решительным ударом, двигаться дальше, а следом уже готова развивать наступление мотострелковая бригада, пехотный полк и еще какие-то части.

– Товарищ комбат, – махал Болотову танкист. – Из штаба вас вызывают.

На связи был командир танкового полка Полищук.

– Ну, вы долго там копать будете? – шипело и трещало в трубке. Рация в горах работала плохо. – Я что-то не вижу ваших коробочек на холме.

– Принимаем все меры, товарищ подполковник, – отозвался комбат. – Разведка вступила в бой, потеряли три машины. Группируемся.

Болотов, сознательно или не задумываясь, говорил неправду. Никакого боя, если не считать смелого отпора погибшего механика-водителя, не было. Танки просто расстреляли.

– Быстрее группируйтесь, – не стал вдаваться в детали командир полка. – Сил у тебя достаточно. Артподготовку провели, авиация отбомбилась. Чего тебе еще надо? Действуй и не тормози остальных. Выполняй приказ.

Вернулись разведгруппы на мотоциклах. Обе были обстреляны, погиб один боец. Старшие групп жаловались, что на мотоциклах тут не покатаешься. Сплошные камни и стреляют со всех сторон. Кроме жалоб, сержанты толково показали на карте еще одну дорогу, по которой можно подобраться к гребню и немецким укреплениям. Офицеры склонились над картой. В совещании принимали участие также командиры десантных рот и начштаба батальона.

Артиллерийская подготовка была проведена так себе. Гаубицы стреляли издалека и особого урона немцам не нанесли. А про бомбежку командир полка мог и не вспоминать. Налетела шестерка штурмовиков, сбросила двенадцать стокилограммовых бомб, выпустила ракеты и спешно ушла, не дожидаясь «мессершмиттов». Наших истребителей для прикрытия не хватало.

Александр Чистяков после окончания учебных курсов воевал с мая сорок второго года. Начиная службу в артиллерии. Несмотря на молодой возраст (в январе исполнилось двадцать один), был опытнее большинства других командиров. Понял сразу, что единственный путь к высоте и немецким укреплениям проходит для наступающих частей по основной дороге, и миновать ее не удастся.

Вторая дорога, которую имели в виду разведчики, представляла из себя колею, пробитую повозками и лошадьми. По ней передвигались когда-то люди, предпочитавшие делать свои дела скрытно.

По ней можно было с риском двинуть пару самоходок и танковой взвод, чтобы нанести удар с фланга. Тащить весь батальон с десантом было бы слишком опасно.

Совещание толклось на одном месте. Оба командира десантных рот потихоньку хлебнули водки и заявили, что у их бойцов брони нет, в мясорубку они не полезут.

– Давайте подведем итог, сколько их и чем фрицы располагают, – не выдержал Чистяков. Загибая пальцы, начали перечислять данные разведки и свои наблюдения. Пушечный и два пулеметных дота, закопанный в землю танк, две-три противотанковых 75-миллиметровки, тоже хорошо упрятанные в каменных капонирах. Несколько минометов, пулеметные гнезда. Этим сил хватит, чтобы перекрыть дорогу, а, уничтожив еще пару машин, наглухо перекрыть ее.

Капитан Болотов, кивая, выслушал предложение Чистякова зайти во фланг по обнаруженной разведкой колее и прямой наводкой уничтожить доты, артиллерию и закопанный танк.

– Танковый взвод ты мне выделяешь, – скорее не спрашивая, а утверждая, глядел на Болотова старший лейтенант.

– Ну, выделяю...

– С собой я возьму самоходку лейтенанта Щукова. Третья останется с батальоном. Когда мы подавим основную часть артиллерии, дам сигнал ракетами. Двинешь батальон по дороге и добьешь остатки.

– Мне не остатки добивать, а вперед двигаться, – недовольно буркнул комбат Болотов. – Справишься сам со своими «зверобоями». У тебя калибр шесть дюймов да еще три танка в придачу.

– Ладно, видно будет, – не стал продолжать спор Чистяков.

Антон Герасимович Болотов начал службу еще в начале тридцатых годов в кавалерии. В сороковом году закончил полный курс танкового училища. Служил в Юго-Западном военном округе и принял участие в первых летних боях.

Отступал, видел, какие потери несут наши части, действуя несогласованно, хотя и смело. Болотов, тогда командир взвода, хорошо запомнил, как комбриг приказал поджечь два десятка исправных танков (в том числе новейшие Т-34) – закончилось горючее и почти не оставалось боеприпасов.

Уходили, оглядываясь на огромный костер, уносили на плечах снятые с машин пулеметы. В сорок втором, после тяжелого ранения, Болотов служил в ремонтном батальоне, затем получил роту. А месяц назад неожиданно стал комбатом.

Командир полка Полищук пошел на этот шаг из-за острой нехватки опытных офицеров. А у Болотова какой-никакой опыт имелся. Кроме того, он не умничал, не лез с ненужной инициативой и приказы выполнял без лишних разговоров.

В разговорах с начальством бывший кавалерийский старшина Болотов больше молчал. В боях за спины подчиненных не прятался, хотя в принятии решений был медлительный.

Пока стояли в резерве, Болотов привел в порядок, починил, покрасил танки, организовал учебу механиков-водителей. Когда на полковом смотре занял первое место, Полищук приблизил его к себе, хвалил. Даже намекал на будущую должность замполттех полка. Вечный командир взвода Антон Герасимович Болотов воспрянул духом, стал покрикивать на подчиненных. Особенно на тех, кого считал слишком грамотными. К числу таких был отнесен и старший лейтенант Чистяков.

Начавшееся наступление показало, что по своим деловым качествам до уровня командира танкового батальона Болотов не дотягивает.

Уже на второй день, пустив колонну по открытой местности, нарвался на эскадрилью истребителей-штурмовиков «Фокке-Вульф-190». Две машины сгорели от попаданий бомб. Две другие, поврежденные, Болотов сумел за ночь восстановить.

И вот сегодня, еще не начав бой, он лишился трех танков и трех лучших экипажей разведчиков. Сейчас его преследовало видение, что на этой проклятой извилистой дороге сгорит, как в ловушке, весь батальон. Он слышал, случалось такое. Тогда только и остается, что пулю в лоб. Но ведь ждет жена, трое детей.

– Если по дороге... по дороге наступать, – выдал растерянный комбат навязчивую мысль, – батальон потеряем.

– А две сотни десантников? О них ты подумал? – напирала командиры пехотных рот.

Пустые разговоры всем уже надоели. Звонили из штаба дивизии, торопили. Поинтересовался, как идут дела, и командир тяжелого самоходно-артиллерийского полка Пантелеев.

Чистяков, в отличие от Болотова, вел себя более решительно, да и Пантелева знал давно, еще с военного училища в Челябинске. Вместе с очередным выпуском Иван Васильевич Пантелеев ушел на фронт, с тех пор воевали вместе.

– Товарищ подполковник, – доложил он, – этот гребешок еще та штука. В лоб его не возьмешь. Нашли тут обходную дорогу. Все детали обсудили, выступаем.

Капитану Болотову оставалось только кивнуть. Тем более в спину ему дышала мотострелковая пехотная бригада на своих «ЗИСах» и «студебеккерах», нетерпеливо ожидавшая, когда танки и самоходки прорвут очередной узел немецкой обороны.

Разведанная колея оказалась хуже, чем ожидал Чистяков. По существу, это было скопление камней, бугров и даже трещин, шириной до метра. В одном месте предстояло круто разворачиваться на краю обрыва, и Александр с трудом переборол желание вылезти из машины. Тем более три танка, идущие впереди, благополучно миновали опасный поворот.

Но самоходки весили сорок шесть тонн, а «тридцатьчетверки» лишь двадцать семь и были более маневренные. На таком подъеме многое зависело и от механиков-водителей.

Механик в машине командира батареи, старшина Матвей Колесник дело свое знал, был спокоен и взвешен. В самоходке, которой командовал лейтенант Миша Шуков, механик тоже воевал давно и машиной управлял умело.

Лишь бы не появились самолеты. Танки и самоходки на узкой колее не имеют возможностей для маневра, и дело может закончиться плохо.

Здесь, на холмах Подольской возвышенности (северной оконечности Карпатских гор), с утра обычно наплывал туман. Сейчас он рассеялся, и на смену ему шли облака.

Если начнется дождь, тяжелым машинам придется на размокшем подъеме несладко. Вот и думай, что выгоднее. Ясная погода и риск нарваться на немецкие самолеты или скользкая земля. Лучше не загадывать!

Впереди взревел на полных оборотах двигатель «тридцатьчетверки». Из-под быстро вращающихся гусениц ползла земля вперемешку с камнями. Механик дал слишком сильный газ. Танк развернуло поперек колеи и потащило вместе с землей прямо на самоходку Чистякова.

– Он что творит, мля! – орал Колесник, давая задний ход.

«Тридцатьчетверка» завалилась в яму, двигатель заглох. Чистяков выскочил наружу. Танк порвал гусеницу и накренился набок. Подбежал взводный, обматерил командира «тридцатьчетверки».

– У меня стрелок-радист руку сломал, – вытирая пот с лица, твердил младший лейтенант.

– Лучше б ты башку свернул, – надрывался Колесник, чудом избежавший столкновения. – Нас едва под откос не столкнул.

На машинах оставили по пять-шесть десантников. Они успели вовремя спрыгнуть и не пострадали. Сейчас они растерянно топтались вокруг.

– Занять места на других машинах, – приказал Чистяков. – Радисту оказать помощь, экипажу устранять повреждения.

Уходило время. Они и так потеряли его слишком много. Пять машин приближались к повороту, за которым будут видны немецкие укрепления. Лишь бы не преградила путь какая-нибудь широкая трещина или провал. Если мотоциклисты не проверили путь до конца, то вполне можно ждать чего-то подобного.

Головной танк остановился. Взводный добежал до поворота, затем вернулся и почему-то шепотом доложил Чистякову:

– Можно проехать. Укрепления как на ладони.

Старший лейтенант сходил сам, осмотрел в бинокль немецкие позиции. Было решено, что самоходка Михаила Шукова открывает огонь по пушечному доту, а Чистяков уничтожает закопанный в землю Т-4, цель едва заметную, но опасную. «Тридцатьчетверки» ведут огонь по артиллерийским капонирам.

Машины миновали поворот, узкую полоску сосняка и открыли огонь с коротких остановок. Снаряд, выпущенный самоходкой Чистякова, взорвался перед торчавшей из земли башни танка Т-4 с длинноствольным орудием. Машину встряхнуло взрывной волной, ствол орудия согнуло.

Серая бетонная коробка пушечного дота сливалась с такой же серой скалой. Дот немецкие специалисты построили, не жалея первосортного цемента. Фугасный снаряд весом сорок три килограмма рванул с такой силой, что посыпались вниз отколотые куски скалы.

Двадцатилетний лейтенант Миша Шуков, пришедший из гаубичного полка, где воевал около года, имел неплохой опыт и стрелял довольно точно.

В метре над амбразурой образовалась выемка. От нее змеилась вниз, к темному отверстию с торчавшим пушечным стволом, извилистая трещина. Вложить еще один снаряд в это же место, и бетон лопнет.

Лейтенант Шуков целился в амбразуру, попасть в которую с шестисот метров, да еще под начавшимся ответным огнем, было не просто. Второй фугас прошел впритирку над серой коробкой дота и, разметав уступ скалы, завалил крышу грудой камней.

Узкая амбразура на мгновение осветилась вспышкой ответного выстрела. Подкалиберный снаряд расплющился о толстую лобовую броню, а раскаленный вольфрамовый сердечник, разогнавшийся до скорости девятисот метров в секунду, прошел металл, тело лейтенанта Шукова и врезался в боеукладку.

Зашипел и вспыхнул порох в объемистой гильзе. Заряжающий сделал попытку выбросить ее в открытый люк. Вспышка сожгла рукавицы, мясо на руках до костей, а рядом вспыхивали пороховые заряды в других шестидюймовых стаканах.

Пламя живьем пожирало заряжающего, добило наводчика, а через минуту рванули фугасные боеголовки.

Успел выскочить лишь механик-водитель. Взрыв разорвал рубку по швам, раскидав все, что находилось внутри: куски человеческих тел, смятые гильзы, мелкие обломки. Вспыхнула нагретая солярка, поглотив разбитую машину куполом маслянистого дымного пламени.

– Мишка накрылся! – кричал заряжающий в машине Чистякова Василий Манихин.

Танк, в который они стреляли, стоял в своей яме со свернутым стволом. Добивать его времени не оставалось. Дот, хоть и получил крепкое попадание, ударил из своей «семидесятипятки», целясь в машину Чистякова.

В сумрачной тени окружающих скал огненный шар прочертил искристую полосу от щели дота и до борта самоходки. Удар встряхнул тяжелую машину, а светящаяся от жара болванка, от ricochetив от боковой брони, с воем ушла в ущелье.

– Федор, бьем по доту! – выкрикнул Чистяков.

Секунды, в течение которых наводчик, старший сержант Хлебников, ловил в прицел амбразуру, а заряжающий Вася Манихин бросал в казенник снаряд и гильзу, растянулись до бесконечности.

У гаубицы раздельное, слишком медленное зарядание. Противотанковая пушка калибра 75 миллиметров способна выпускать свои снаряды каждые пять-семь секунд плюс несколько секунд на поправку прицела.

– Быстрее, – почти стонал механик-водитель Матвей Колесник.

Орудие наконец выстрелило. Расчет «семидесятипятки» наверняка бы опередил самоходку, но, скорее всего, был контужен двумя взрывами фугасных снарядов, выпущенных самоходкой Михаила Щукова. Горевшая машина лейтенанта спасла своих товарищей, дав им время прицелиться и сделать точный выстрел.

Снаряд взорвался, отколов угол амбразуры. Пламя и взрывная волна хлестнули в глубину бетонной коробки, сорвав со станка пушку, раскидав расчет. Спасаясь от огня и дыма, в заднюю дверь успели выскочить двое артиллеристов. Остальных смяло и сплющило, а к телам подбиралось пламя от горевшего хлама и снарядных ящиков.

«Тридцатьчетверки» разбили одну из пушек в капонири. Для этого пришлось вложить с десяток снарядов. Капониры были защищены каменной стенкой, скрепленной бетоном. Вторая пушка била часто, но не слишком точно. Танки маневрировали, уходя от снарядов. Ударили минометы, десант побежал от смертельно опасных для них осколочных взрывов под защиту сосен.

Оба танка без команды понеслись вперед, чтобы расстрелять полуразбитые вражеские позиции с близкого расстояния.

Эта торопливость обошлась одной из «тридцатьчетверок» дорого. Снаряд перебил гусеницу, вывернул ведущее колесо. Командир танкового взвода стрелял на ходу, пытаясь помочь обездвиженному экипажу.

Лучше бы он остановился. Неточная стрельба на ходу позволила немецкой пушке точным снарядом добить «тридцатьчетверку», которая, перекошенная, осыпаемая минами, продолжала вести огонь. Экипаж не имел права покинуть ее, пока было исправно вооружение. Когда машина загорелась, сумели выбраться башнер и стрелок-радист.

Взводный достал немецкую пушку, вложив снаряд в верхнюю часть щита. Взрывная волна и осколки трехдюймового снаряда искромсали щит, приборы наведения, раскидали расчет. Почти все артиллеристы были убиты или тяжело ранены. Уцелевший подносчик отползал, не в силах оторвать взгляд от исковерканных тел камрадов.

Это была месть за горевшую «тридцатьчетверку», из которой сумели выпрыгнуть двое ребят. Командир танка, старый друг взводного лейтенанта, и механик-водитель горели вместе с машиной.

Немецкий Т-4 с вывернутым орудием выбрался задним ходом из капонира. Лейтенант, его командир, хотел спасти машину. Уйти от тяжелых снарядов огромной русской самоходки, которую прозвали «дозеноффнер» – консервный нож.

Фугасы их шестидюймовых орудий вскрывают толстую броню «тигров» и «пантер», как консервную банку. Не зря сами русские называют эти самоходные установки «зверобоями» – охотниками за хищниками. Если консервный нож не опередить...

Но опережать было уже некому. Т-4 с переломанной пушкой сделать ничего не мог. Дот горел, обе «семидесятипятки» в капонирах были разбиты. Вели огонь лишь минометы и зенитная 20-миллиметровка.

Изредка хлопали легкие гранатометы, но расстояние для них было велико. Кумулятивные гранаты не долетали до русских машин. Взрывались, разбрасывая огненные брызги, а в стрелков летели снаряды «тридцатьчетверки» и пулеметные трассы.

Понимая, что жизни его «панцеру» остались считанные минуты, немецкий лейтенант дал команду экипажу покинуть машину. Успели выскочить лишь двое. Лейтенант уже скатывался по броне, шепча слова молитвы или прощания. Страшное диковинное зрелище предстало перед ним в последние секунды жизни. Лязгающий зеленый монстр надвигался на него. Черное отверстие огромного, как бревно, орудия полыхнуло вспышкой.

Грохота выстрела он не услышал и не понял, что с ним происходит. Фугас врезался в основание башни, взрыв разнес все, что находилось внутри. Сдетонировали снаряды, опроки-

нув исковерканную башню и подняв в воздух горящие обломки. Тело лейтенанта безжизненной грудой упало на камни.

«Тридцатьчетверка» добивала зенитную пушку, вели огонь оба пулемета. Из траншей и укрытий выскакивали немецкие солдаты. Кто-то успевал скрыться, другие падали. Вася Манихин, заряжающий в экипаже Чистякова, высунулся с автоматом в руках.

Мина рванула в десяти шагах, осколок лязгнул по крышке люка.

– А ну, на место! – сдернул сержанта вниз Чистяков и захлопнул люк. – Пушку я заряжать буду?

– Фрицы там... хотел прикончить, – не мог успокоиться Манихин.

Колесник гнал машину к разбитым дымящимся укреплениям, горящему танку. Сейчас это было самое безопасное место. Следом шла уцелевшая «тридцатьчетверка». Обе машины, стреляя с коротких остановок, заставили замолчать минометы и пулеметные точки.

Дот, размером поменьше, дал очередь из крупнокалиберного пулемета. Расчет выскочил наружу, но угодил под взрыв тяжелого снаряда.

Приотставшие было десантники резво бежали, догоняя самоходку и танк. Добравшись до вражеских позиций, где не осталось никого, кроме убитых и тяжелораненых, стреляли, не жалея патронов, во все подозрительные амбразуры и щели. Быстро обшаривали траншеи, блиндажи и трупы в поисках трофеев.

Молодой унтер-офицер с развороченным бедром приподнялся, опираясь на пулемет, из которого успел выпустить три ленты.

– Не стреляйте, я...

Он попытался снять часы и протянуть их, прося о пощаде. Не успел. Автоматная очередь перебила руку, прожгла грудь. Унтер упал рядом со своим помощником.

Десантник резво отстегнул часы, достал из кармана сигареты, складной нож. Кивнул приятелю:

– Старательно сучонок воевал. Весь окоп гильзами засыпан.

Радист передал Чистякову наушники. Комбат Болотов сообщил, что батальон вместе с оставшейся самоходкой продвигается по дороге вперед, мимо укреплений.

– Спешить надо. – И добавил после паузы: – Тебе помощь не нужна?

– Нет, сами справились.

– Тогда догоняй нас.

На этом связь оборвалась. Чистяков увидел, как, обтекая гребень, на полном ходу движется батальон, следом грузовики мотопехотной бригады.

– Хоть бы поинтересовался, целы его танки или нет, – бурчал старшина Колесник. – Про спасибо я уже не говорю. Небось, расхвалился своему начальству, что укрепления подавлены, батальон развивает успех.

– Как же, – подхватил наводчик Хлебников. – Командир штурмового батальона. За умелый прорыв на «майора» рассчитывает.

Чистяков выбрался наружу. В ушах звенело от пальбы, затекли ноги. Савин Леша, самый молодой и самый грамотный из экипажа, ковырялся в траншее, искал трофеи. К нему присоединился заряжающий Вася Манихин. Бывалый сержант знал, где искать. Выбил сапогом дверь просевшего блиндажа, цыкнул на десантников, кинувшихся следом:

– Не лезть! Вы свое собрали. Лешка, а ну со мной. В блиндаже всегда что-нибудь найдется.

Следом, на правах однополчан, протиснулись двое танкистов. Против них Манихин не возражал.

– Неплохо повоевали, Сан Саныч, – зевая, потягивался на солнце старшина Колесник. – Только Мишку Щукова и остальных ребят жалко. Одни головешки остались.

Впрочем, особой печали в его голосе не слышалось. За два с половиной года Колесник успел привыкнуть к смертям. Их машина могла также догорать, как СУ-152 веселого лейтенанта Мишки Щукова и «тридцатьчетверка», воевавшая рядом.

Матвей Колесник был старше всех, ценил жизнь, всегда помнил о семье и сейчас отходил от напряжения короткого, но тяжелого боя. Он и за трофеями не пошел, считая, что по сравнению с удачно закончившимся боем это сущая ерунда.

Трофейный пистолет у него имелся, часы тоже (даже вторые в запасе), а консервы и ром достанутся всем.

– Перекурим и двинем догонять Болотова, – сказал Чистяков. – Пойду, гляну на машину Мишки Щукова. Ты как себя чувствуешь, Федя?

Хлебников, которого снаряд тряхнул сильнее других, растянулся на бушлате.

– Голова чегой-то болит... полежать бы немного.

– Лежи, отдыхай.

– Саня, не ходил бы туда, – окликнул старшего лейтенанта Матвей Колесник. – Чего душу травить?

– Схожу. Вроде кто-то успел выскочить.

– Если кто и выскочил, под мины или пулеметы угодил. Сам видел, какая стрельба шла.

Колесник оказался прав. Самоходка лейтенанта Михаила Щукова догорала. Успевший выскочить механик-водитель был мертв, пробитый осколками мины. Чистяков достал документы, снял с комбинезона медаль «За отвагу». Оглянулся еще раз на машину, ставшую последним пристанищем сразу для четверых ребят, и зашагал к себе.

Михаил Щуков был постарше его года на три, имел семью, детей. В батарею Чистякова пришел после госпиталя, и вот, во втором бою погиб вместе с экипажем.

Вернувшись, молча стал сворачивать самокрутку. Колесник понял его без слов, протянул зажигалку. К ним присоединился Вася Манихин. Наводчик Федор Хлебников лежал на бушлате, накрыв лицо чистой тряпкой.

Подошел танкист – взводный, младший лейтенант, имени которого Чистяков не помнил, а может, не успели познакомиться. Тоже закурил. Вытирая слезящиеся от дыма глаза, сообщил, что из экипажа сгоревшей «тридцатьчетверки» уцелели башнер и стрелок-радист. Пожаловался, что погиб старый друг, командир танка. Вместе учились, вместе воевали, и вот сгорел вместе с машиной.

– Такая она, жизнь на войне, – посочувствовал Матвей Прокофьевич Колесник. – У нас экипаж целиком накрылся. Сразу пять душ.

Сейчас Колесник больше всего переживал за сына, которого недавно призвали в армию. Старший погиб под Ростовом год назад, и боль от потери не проходила. А дома, в деревеньке под Тамбовом, кроме жены и матери, оставались еще трое детей. Младшему сыну уже четырнадцать, в колхозе работает.

– Суетились вы слишком, – оценил действия взводного Вася Манихин, который тоже воевал давно, а Чистякова знал с весны сорок третьего, занимая должность заряжающего в его экипаже. Тогда Саня Чистяков был еще младшим лейтенантом.

Взводный стал оправдываться, что действовали решительно. Их танк тоже едва под снаряд не угодил, а за товарищей он отомстил. Прикончил пушку-гадюку.

– И механиков своих плохо готовишь, – добавил Манихин. – Одна машина в яму свалилась, вторая сгорела. Один за троих воевать будешь?

– Умный ты слишком, – огрызнулся младший лейтенант.

– Умный не умный, а дот и танк фашистский прикончили.

Вася еще раз полюбовался на новые часы, которые раздобыл в блиндаже. В экипаже часы имелись у всех. Малость поколебавшись, Манихин протянул свои старые часы младшему лейтенанту.

– Прими на память от «зверобоев».

Командир танкового взвода подарок принял, а Вася предложил перекусить. Кроме автомата и гранат, они вместе с Савиным принесли несколько банок консервов и что-то спиртное.

– Какая еда? – оборвал слишком самостоятельного сержанта Чистяков. – Бой еще не закончился. Собираемся.

Подошел командир десантного взвода. Сообщил, что у него погибли двое бойцов. Надо бы их похоронить. И раненых трое.

– Без нас похоронят. Некогда.

– Так нельзя, – начал было младший лейтенант, не отошедший от первого своего боя.

– Раненые тяжелые?

– Не сильно. Оказали помощь, перевязали.

– Тогда сажай на броню. По дороге что-нибудь придумаем. Водки им дай.

В этот момент затрещала рация, высунулся Леша Савин:

– Товарищ старший лейтенант, вас капитан Болотов вызывает.

На этот раз комбат был настроен не так благодушно.

– Где вы там застряли?

– Ты бы сначала спросил, сколько у нас машин осталось.

– Сколько ни есть, гоните сюда. Стрельбу, наверное, слышите?

– Выступаем, – коротко закончил разговор старший лейтенант Чистяков. – Эй, десант, по местам!

– Отдохнули, – сплюнул в сердцах Матвей Колесник. – Снова воевать катим. Когда только все кончится?

Кряхтя, поднялся Федор Хлебников. Экипаж, переживший тяжелый бой, явно не рвался вперед. Десантники понесли сравнительно небольшие потери, разжились трофеями, хлебнули рома или водки. Оживленно переговариваясь, рассаживались на броню.

Отчетливо слышались оружейные выстрелы, взрывы. Обе машины, взревев моторами, двинулись мимо разбитого узла немецкой обороны.

Глава 2. «Пантера» – опасная «кошка»

Танковому батальону Болотова сегодня не везло. После гибели взвода разведки он действовал осторожнее. Дождлся, когда вступила в бой группа Чистякова. Тяжелые гаубичные разрывы внушали надежду, что решительный командир батареи разобьет укрепления и повторная атака будет удачной.

Отчасти испортил настроение командир «тридцатьчетверки», свалившийся в яму и нуждавшийся в ремонте. Количество машин таяло на глазах. Сейчас Болотов располагал двенадцатью танками, в том числе двумя новыми Т-34-85 с сильными орудиями калибра 85 миллиметров.

Но командир полка приказал их беречь и вводить в бой только в острой ситуации. А с кем тогда воевать? Из двенадцати машин четыре были легкие Т-70, их тоже вперед не пустишь – сгорят как свечки.

Как бы то ни было, а Болотов, дождавшись, когда стихнет стрельба тяжелых орудий на фланге, приказал батальону втягиваться в ущелье, где погибла разведка. Вместе с танками шла тяжелая самоходная установка лейтенанта Степана Авдеева.

Поначалу все шло вроде нормально. На обочине дороги прятались две замаскированные пушки «семидесятипятки». Расторопный командир первой роты вовремя их разглядел. Головные танки расстреляли обе пушки, получив лишь небольшие повреждения.

Смахнули минометный взвод, добивая расчеты пулеметными очередями. Втащили на броню уцелевший миномет, несколько ящиков мин. Десантники резво снимали с убитых часы, подбирали автоматы (половина десанта была вооружена винтовками).

Далее дорога раздваивалась. Справа горели укрепления, разбитые самоходками Чистякова. Делать там было нечего. И здесь Антон Болотов совершил ошибку. Сыграло роль самолюбие. Все же он был командир батальона, а Чистяков всего лишь командовал батареей.

Оборона размолокта тяжелыми шестидюймовыми фугасами. Задерживаться и совещаться времени нет. Осторожный начальник штаба посоветовал связаться с Чистяковым, узнать, как и что, но капитан отмахнулся:

– Свяжемся позднее!

Тем более холмы впереди были пологие, с редкими островками леса и кустарника. Есть место для маневра. Решительность комбата усилилась при виде спешно кативших прочь двух немецких грузовиков. За ними спешили конные повозки, трусцой бежали пехотинцы. Отступают фрицы!

Болотов не ошибся. Немцы спешно эвакуировали тылы, вывозили раненых. Разбитые укрепления, уничтоженные пушки, вид отступающего противника еще больше подогрел настрой капитана. Он и сам не раз отступал и вырывался из окружения за годы войны. Был уверен, что в такой момент фрицам не до сопротивления. Быстрее бы ноги унести. Значит, надо догонять и решительно добивать врага.

Комбат забыл то, с чем не раз сталкивались наши войска. Немецкие части редко убегали очертя голову. Отступали, как правило, организовано, нанося в удобных местах внезапные контрудары.

– Ходу, Гоша! – весело подбодрил капитан своего механика-водителя. – Прижмем гадам хвост!

Механик прибавил газ, а наводчик внимательно всматривался в холмы и дорогу. Экипаж не разделял оживления своего командира. Слишком подозрительной была тишина, а среди холмов их могла поджидать засада.

Вой летящих гаубичных снарядов слышали все. Взрывы ударили довольно точно – дорога была пристреляна. Танки, как по команде, уходили на обочину. Вели огонь три гаубицы

калибра 105-миллиметров, самое массовое орудие дивизионной артиллерии вермахта. Стреляли они издали, попасть в быстродвигающийся танк им было сложно.

Взрывы снарядов, которые весили пятнадцать килограммов, поднимали высокие столбы каменной земли и дыма. Крупный осколок звякнул о броню. Антон Болотов выругался:

– Чем испугать решили, мля. Вперед!

Фугасы, летящие с закрытых позиций, не могли остановить стремительную танковую атаку. «Тридцатьчетверку» они сумели бы подбить либо прямым попаданием, либо если снаряд взрывался почти вплотную. Такой точностью гаубицы не обладали, да и стреляли издали.

Тяжелее приходилось легким танкам. Бортовая броня Т-70 не превышала двадцати миллиметров. Взрыв проломил нижнюю часть корпуса одного из легких танков, порвал гусеницу. Машина не загорелась, но застыла на обочине.

Остальные машины пронесли мимо брошенной траншеи, блиндажа. Немцы спешно оставляли свои позиции.

– Маневр, натиск и только вперед!

Такие слова успел произнести довольный собой комбат Болотов, когда началось непонятное. Танк 34–85, один из тех, которых приказывал беречь командир полка Полищук, вдруг дернулся и замедлил ход. С него, а заодно с соседних машин посыпался десант.

Лязгающий удар услышал наводчик. Высунувшись из люка, оглянулся:

– Товарищ комбат, «восьмидесятипятка» горит.

Новейший танк, недавно поступивший на вооружение, выделялся своими размерами. На полтора метра длиннее обычной «тридцатьчетверки», более широкий корпус и характерная длинноствольная пушка. Он пока еще не горел, но из пробоины и приоткрытого люка выбивался дым.

Через верхний люк вылезли и скатились по броне наводчик и заряжающий. Следом вырвались языки пламени из люков и жалюзи мотора.

– Вон, с холма бьют! – крикнул наводчик в машине Болотова. – С километр от нас. Кажись, закопанный танк.

Командир первой роты тоже увидел цель, и дважды выстрелил с короткой остановки. Зная, что задерживаться нельзя, приказал уйти под защиту придорожного бугра.

Не успели. Приближающийся вой бронебойного снаряда оборвался резким ударом металла о броню. Снаряд угодил в толстую орудийную «подушку», но она не спасла машину.

Сержант-десантник, пробежавший мимо, на секунду остановился, глядя на дымящуюся пробоину. Танк продолжал двигаться. Откинулся передний приоткрытый люк, из него пытался вылезти механик-водитель. В ту же секунду внутри башни рвануло, сорвало ее с погона, а пламя хлынуло через щель и люк, сжигая заживо механика. Впрочем, в тот момент он уже был мертв, так же как и остальной экипаж.

– «Тигр» бьет! – кричал кто-то. – Вон, пушка длиннющая с набалдашником.

Надо отдать должное Болотову, он быстро выводил машины из-под огня. Рации, которые капитан зарядил и настроил перед наступлением, работали четко. Танки скатывались в низину под прикрытием кучки берез.

Вызвал командира самоходки Степана Авдеева. Уже определили, что обе «тридцатьчетверки» были уничтожены одним танком – «пантерой». Других вражеских машин поблизости не было, но от этого легче не стало. Ее пятиметровое орудие калибра 75 миллиметров и первоклассная оптика позволяли поражать наши танки на дистанции полтора километра, а хорошо бронированные корпус и башня защищали от снарядов «тридцатьчетверок».

Лейтенант Степан Авдеев, среднего роста, худощавый, кивал головой, слушая инструкции Болотова. Он воевал с сорок второго года. Имел достаточный опыт, и наставления комбата, который с «пантерами» или «тиграми» не сталкивался, считал излишними. Надевая танкошлем, на секунду задержался.

– Товарищ капитан, вызовите Чистякова. «Пантера» – кошка опасная. Неизвестно, как оно повернется.

Авдееву могла бы очень помочь новая «тридцатьчетверка» с ее сильной пушкой, однако он знал, Болотов машину не даст – боится командира полка.

– А ты не робей, – назидательно повысил голос комбат. – Что, на вашем Чистякове свет клином сошелся? Справимся и без него.

В свои двадцать три года Степа Авдеев выглядел гораздо старше. Последнее ранение было тяжелым, он отлежал в госпиталях месяца четыре. Сильный удар повредил печень, правое легкое. Лицо так и осталось серо-желтым, костлявым.

Непонятно, как его снова направили в бронетанковые войска. В лучшем случае он был годен по состоянию здоровья на штабную или хозяйственную работу. Но так получилось, и Степан Авдеев от судьбы не бегал.

Вот и сейчас, козырнув, лейтенант занял место в своей машине, где его ждал экипаж.

– Не дали в помощь новую «тридцатьчетверку»? – спросил наводчик Николай Лагута.

– Нет. Говорят, сами справимся. Или не так? Чего прижухли?

Авдеев засмеялся кашляющим, совсем не веселым смехом. Однако экипаж верил в своего опытного, хоть и не слишком молодецкого на вид командира.

Тем временем «пантера» после первых удачных выстрелов, уничтоживших два русских танка, сменила позицию и заняла место в другом капонире.

Для самоходки Авдеева никто капонира не приготовил. Она стояла за небольшим бугром в редкой березовой роще, а командир и наводчик искали исчезнувшую вражескую машину.

Болотов, возбужденный быстрым продвижением вперед, не до конца осознал опасность положения. Два выстрела с расстояния километра, и два разбитых горящих танка. Плюс гаубицы, которые лишь изредка выпускали снаряды, словно чего-то выжидая.

– Авдеев, – торопил он по радиации лейтенанта. – Чего телишься?

Болотов, сам не замечая, повторял слова командира полка. На пустой вопрос много чего повидавший Авдеев ответил коротко:

– Ищу цель.

В сознание капитана закрадывалась тревога. С «пантерой» шутить опасно. Откуда она вынырнет и нанесет новый удар? Он невольно оглянулся на горящие танки. На каждый понадобилось всего по одному снаряду. Самолюбие мешало ему срочно вызвать Чистякова. Комбат непростительно медлил, не зная, что делать дальше.

Авдеев разглядел наконец крышу, командирскую башенку и почти незаметный в траве, закамуфлированный ствол пушки с массивным дульным тормозом. Беспokoйно зашевелился наводчик Николай Лагута, тоже увидевший цель.

– Степа, сейчас она...

Авдеев и сам отлично понимал, что через несколько минут прозвучит выстрел. Немец их заметил, башня и пушка разворачивались в сторону самоходки.

Вряд ли фриц промахнется. А вот их гаубица, пожалуй, не сможет на таком расстоянии вложить снаряд в цель, которая почти полностью укрыта в земле.

– Выстрел, – негромко скомандовал лейтенант.

Полторы секунды требовалось фугасу, чтобы преодолеть километр до цели, и еще десяток секунд занимала перезарядка.

Столб разрыва поднялся с перелетом метров на пятнадцать. Экипаж обреченно ахнул, а механик-водитель Иван Крылов отпустил сцепление, рывком уводя машину в сторону.

Подкалиберный снаряд, выпущенный в ответ, летел со скоростью 1100 метров в секунду. Брызнул в стороны мелкий березняк на том месте, где только что стояла самоходка. Дернулся от удара и стал медленно заваливаться толстый березовый ствол, языки огня побежали по смолистой коре.

– Выстрел!

На этот раз фугас взорвался рядом с башней, обвалил капонир. Мощная взрывная волна сбила прицел наводчика «пантеры», а судьба подарила экипажу Авдеева третий, наверное, последний шанс, одержать верх в поединке. Никогда еще заряжающий и наводчик не действовали так быстро, загоняя в казенник заряд и подводя к цели отклонившийся от отдачи ствол.

Лейтенант шевелил губами, не вмешиваясь в действия подчиненных. Чему надо, он их научил, сейчас руководить было поздно. Выстрел прозвучал без команды. Ожидая ответного снаряда, Авдеев крикнул механику Крылову:

– Назад.

Самоходка откатилась метров на семь, подламывая деревья, и в том числе горящую березу. Массивный ствол свалился на жалюзи, полетели огненные брызги. Полыхали огромным костром смолистые ветки и сушняк вокруг.

Вдруг заглох двигатель, когда Крылов попытался вывести машину из огня. Все подумали, что угодили под снаряд. Первым опомнился Авдеев.

– Всем, кроме механика, наружу! Гасите огонь. Иван, что с двигателем?

– Сейчас... сейчас...

Иван Крылов был моложе большинства своих коллег-механиков, но с пятнадцати лет работал на тракторе, управлял танком и неплохо освоил самоходку.

– Ваня, быстрее!

Старший сержант пытался включить зажигание. Стартер звенел, но двигатель не завелся.

– Не нервничай. Уделали мы «пантеру». Теперь из этого костра бы выбраться.

– Выберемся!

Авдеев вылез наружу, глянул в бинокль. Фугас смял боковину и верхушку башни, длинноствольное орудие нелепо вздернулось вверх. Внутри башни что-то дымило. Механик, хоть и контуженный, но еще способный управлять машиной, выгонял сорокапятитонную «пантеру» из ловушки узкого капонира.

– Лезь не лезь, а рога мы тебе обломали!

Степан Авдеев спрыгнул вниз и присоединился к экипажу. Обжигаясь, раскидывали горящие ветки, затаптывали сушняк. Пригодились топор и лопата, рубили и отбрасывали истекающие смолистым пламенем, толстые ветки. Навалившись, дружно спихнули березовый ствол, прожигая комбинезоны.

Иван Крылов завел наконец двигатель и рывками выполз из опасного места. Через минуту двигатель снова заглох.

«Пантера» выползла из своего капонира и замерла. Танк, который многие специалисты считали лучшей машиной Второй мировой войны, не выдержал удара шестидюймового русского фугаса. Башня была смята, лопнула броня, а из щели вместе с дымом выбивалось пламя. Сумел открыть свой люк и вывалиться наружу механик-водитель. Остальной экипаж, контуженный или мертвый, оставался внутри горевшего танка.

Боезапас «пантеры», составлявший 90 снарядов (небольшую часть она израсходовала), взорвался, сбросив на землю исковерканную башню и перекосив опорную плиту.

Лейтенант Авдеев, не сводивший взгляда со смертельно опасной для него и всего батальона немецкой машины, снял танкошлем и вытер пот, стекавший крупными каплями по морщинистому лицу. Он хотел похвалить наводчика Николая Лагуту, но горло перехватило от напряжения.

Командиру протянули флягу. Он жадно глотал теплую воду, потом покачал головой.

– Вот и познакомились с «пантерой». Крепко ты ее, Коля, уделал.

Наводчик, сержант Лагута, возбужденный, тоже отхлебнул из фляжки. Он воевал около года, был ранен, имел на счету два немецких танка, но с «пантерой» вступил в поединок впервые.

– Точно лупит, гадина. Снаряды впритирку шли.

– За «пантеру», небось, к ордену представят, – намекнул лейтенанту заряжающий.

Наградами экипаж избалован не был. Впрочем, как и вся батарея. Имел орден лейтенант Авдеев, недавно получил медаль «За отвагу» механик Крылов. Остальные представления терялись, оседали в штабах, где даже машинистки носили медали «За боевые заслуги».

– Кого-то представят, – скучным голосом отозвался Крылов.

– Танки атакуют, – вдруг закричал Лагута.

– Чьи? Немецкие?

– Наши. Комбат вперед пошел.

– А чего ж нам не сообщил?

– Торопится наверстать... не до нас ему.

Пока вела огонь «пантера», Болотов не рисковал передвигаться дальше, понимая, что его машины будут выбивать одну за другой. Он решил выждать в низине под прикрытием деревьев.

В эти минуты, нащупав скопление русских танков, открыли огонь гаубицы. Немецкие артиллеристы хоть и не видели цель, но место сосредоточения определили точно. С дальнего расстояния снаряды шли, рассеиваясь. Но вскоре близкий взрыв разбил легкий Т-70. Экипаж успел выскочить, а машина горела дымным костром, указывая гаубицам цель.

Еще один снаряд встряхнул и надорвал гусеницу «тридцатьчетверки». Десант спрятался среди деревьев, некоторые танки стали переползать с места на место в поисках более надежного укрытия.

Огонь усилился. Болотов понял, что ждать дальше нельзя. Неизвестно, чем закончится поединок самоходки Авдеева и «пантеры». За четверть часа гаубицы уничтожат остатки батальона. Комбат связался с Чистяковым и, не объясняя ситуации, крикнул:

– Двигай быстрее следом за нами. Тут жарко...

В этот момент загорелась «пантера». Капитану доложили, что самоходка Авдеева тоже в огне, но это для Болотова уже не имело значения. Погиб лейтенант Авдеев со своим экипажем или нет – главное, он выполнил приказ. Болотов дал команду немедленно продолжить атаку.

С трудом собрали часть десанта. Люди не верили комбату. На дорогу продолжали падать гаубичные снаряды, лежали погибшие бойцы, догорали несколько танков.

– Ребята, хватит носом землю рыть. Прыгайте на броню, – призывал своих людей лейтенант, командир десантной роты. – «Пантеру» подбили, теперь только вперед!

Гаубичный снаряд, взорвавшийся рядом, подбросил лейтенанта и ударил о накатанную дорогу. Бойцы, кинувшиеся на помощь, увидели, что он мертв. Уходя от взрывов, кинулись снова в сосняк.

– Вот тебе и вперед!

– Расшибло в лепешку нашего ротного.

– А танковый комбат сам не знает, что делать...

Танки двинулись с половинным десантом. Капитан Болотов мало верил в удачу после таких потерь. Он с ненавистью смотрел на рацию. Снова начнет подгонять его командир полка и отчитывать своим скрипучим голосом, обещая снять с батальона.

Болотов сейчас хотел только одного: побыстрее выбраться из губительной низины и на полной скорости атаковать. А там будь что будет.

После уничтожения «пантеры» атака пошла успешно. До этого батальон терял одну машину за другой. Сейчас, вытянувшиеся цепочкой «тридцатьчетверки» и Т-70, развив полный ход, стали трудной мишенью и для гаубиц.

Командир десантного взвода, младший лейтенант Архипов, сумел навести порядок и поднять прятавшихся в березняке людей. Под его командой десантники побежали вслед за танками.

Болотов снова обрел уверенность. Восемь машин ворвались на позицию гаубичной батареи. Здесь же находились несколько минометов, пехотный взвод и зенитная 20-миллиметровка. Артиллеристы разворачивали гаубицы на прямую наводку, но не так просто сдвинуть и навести на цель орудие весом две тонны, да еще под огнем.

Расчет одной из гаубиц успел развернуть «стопятку» и всадил почти в упор фугасный снаряд в «тридцатьчетверку». Танк взорвался вместе со всем экипажем. Огненный клубок, в котором горели товарищи, лишь подстегнул остальных. Вторую гаубицу расстрелял танк Болотова, третью разнесла 85-миллиметровым снарядом новая машина Т-34-85.

Зенитный автомат бил со скоростью четыре выстрела в секунду, посылая трассы в приближающийся Т-70. Лобовая броня искрилась от попаданий бронебойно-зажигательных снарядов, но держала удары.

Внутри легкого танка все сотрясалось и пахло гарью. Его командир, старшина, упрямо гнал машину навстречу вспышкам. Десять тонн металла гусеницами сплющили, перемололи установку и двоих зенитчиков. Пулеметные очереди догнали и свалили двух других зенитчиков.

«Тридцатьчетверки» рушили траншеи, смешивая с землей не успевших выскочить солдат. Стремительная атака не дала использовать несколько имевшихся в немецком взводе «фаустпатронов», способных прожечь танковую броню.

Кто-то высунулся со своей реактивной трубой. Десантник, знавший, что это такое, не жалея, всадил в немца длинную очередь. Пули ППШ, имевшие большую пробивную силу (патрон по образцу маузеровского), просадили массивную каску и голову.

Минометные расчеты вели огонь из глубоких окопов, где парами стояли четыре трубы калибра 82 миллиметра. Их окружили десантники. Сначала забросали увесистыми гранатами РГД-33, затем прыгнули и добились выстрелами в упор. Два миномета достались в качестве трофеев.

Из амбразуры приземистого дзота, сложенного из шпал, вел огонь скорострельный пулемет МГ-42, упали сразу несколько десантников. Бойцы шарахнулись в разные стороны, один уползал, волоча перебитую ногу.

– Помогите...

– Танк нужен! Он в момент гадов разнесет! – кричал молодой боец.

– Чего глотку дерешь? Мы и без танка справимся, – матерился обозленный сержант, уже имевший дело с дзотами. – Сейчас заткнем ему пасть.

Вскочив на крышу, опустил в вентиляционную трубу «лимонку». Затем расчетливо, делая секундные паузы, швырнул еще две в амбразуру. Выбравшийся из задней дверки унтер-офицер был убит автоматной очередью, а десантники полезли в задымленный дзот за трофеями.

– Эй, герои! – крикнул вслед сержант. – Резво за чужой добычей лезете. Часы и фляжка шнапса мои.

Нагнувшись над убитым унтером, он отстегнул вместе с кобурой массивный «вальтер», забрал документы и часы.

– Часы себе оставьте, – разглядывая добротный хронометр со светящимися стрелками, сказал сержант. – Шнапс не забудьте!

В траншеях добивали остатки гарнизона. Тех, кто пытался убежать, достали пулеметы с танков. В плен немцы не сдавались, отстреливались до последнего. Впрочем, в ходе такого жестокого боя вряд ли кто-то мог рассчитывать на пощаду.

Младший лейтенант Толя Архипов больше всего боялся, что его обвинят в трусости. Он подоспел с десантниками, которые вначале прятались и не решались идти в атаку.

Тяжело дыша, столкнулись с группой солдат, отступавших под прикрытием ручного пулемета. Открыли огонь на бегу. Целились, как попало, сумели свалить двоих или троих, и тут же угодили под встречный огонь. Упали несколько убитых и тяжелораненых. Остальные залегли, спасаясь от пулеметных очередей.

– Что, опять кверху задницей! – орал запаленный от бега и возбуждения младший лейтенант Архипов.

С колена опустошил остаток диска, свалив пулеметчика. Матерясь, вставил запасной. Опомнившись, открыли огонь десантники, кинулись догонять фрицев. Огнем из автоматов уложили еще несколько человек, остальные скрылись в кустарнике.

Как водится, подбирали трофеи, кто-то пил ром из фляжек, передавая их друг другу. Рассматривали трофейный пулемет, который Архипов приказал вместе с лентами забрать с собой.

– Крепко врезали, – хвалился конопатый ефрейтор, приложившийся к фляге.

Человек восемь немецких солдат втиснулись в небольшой вездеход БМВ. Скоростная машина успела отъехать метров двести. Снаряд «тридцатьчетверки» рванул с перелетом, осколки издырявили капот и передние колеса. Солдаты выскакивали и, пригнувшись, убегали. Но огонь был слишком плотный, стреляли из всех стволов. Почти все убегавшие остались лежать в траве.

Антон Герасимович Болотов не спеша вылез из танка. Обходил перепаханные позиции. Впервые за последние дни он испытывал гордость. Постоял возле искореженной гаубицы.

– Сильная штука, а слаба оказалась против наших «тридцатьчетверок».

– Куда уж ей, – поддакнул кто-то из окружающих. – Пока развернется, да пока прицелится, ее два раза раздавят.

Сурово оглядел отставших десантников, подоспевших к концу боя. Спросил, будто не узнавая:

– Кто такие?

– Четвертая рота 914-го стрелкового полка, – козырнул младший лейтенант Архипов.

– А где ваш ротный?

– Убило снарядом.

– Чего отстали? Струсили?

– Было маленько, – не стал кривить душой Архипов. – Обстрел сильный. Но потом догнали. Немецкое отделение уничтожили, пулемет захватили.

– Пулемет... нашли, чем хвалиться. Ты, лейтенант, принимай десантную роту. И чтобы больше никаких отставаний.

– Так точно, – снова козырнул Архипов.

– В следующий раз так легко не отделаетесь, – погрозил кулаком Болотов.

Впрочем, настроен комбат был благодушно. Приказ командования выполнен, уничтожены два узла обороны, достигнут в установленные сроки намеченный рубеж.

Приказал радисту соединить его с командиром полка. Оправдываться было не за что. Поэтому докладывал спокойно, намеченный рубеж взят. В настоящее время на нем закрепляются.

– Уничтожены три дота, две артиллерийские батареи и два немецких танка, – в этом месте капитан сделал паузу и добавил: – «Пантеру» сожгли.

– Немецкие потери в живой силе более ста человек, – подсказал помощник.

Болотов не рискнул повторять откровенное вранье. Снизил цифру до семидесяти, перечислил трофеи:

– Три миномета с запасом мин, два пулемета МГ-34, стрелкового оружия с полсотни единиц, гранат ящиков десять.

Увидев две подходившие самоходки и «тридцатьчетверку», добавил:

– В строю остались семь танков и две приданных самоходных установки.

В душе все же ожидал привычного разноса. Угробил батальон, с кем воевать будешь? Однако командир полка весело проговорил:

– За взятый рубеж спасибо. О «пантере» в штаб дивизии особо доложу. Готовь представления к наградам. Потери большие, людей надо подбодрить. Кстати, кто «пантеру» уничтожил?

– Самоходчики, – выдавил Болотов.

– Но под твоим руководством, – подвел итог подполковник. – Ладно, закрепляйся на захваченном рубеже. Отдохните пока и ждите приказа.

– Ремонтников бы подослать. Пару-тройку машин можно за сутки восстановить.

– Пришлю.

– А тебя, Антон Герасимович, командир полка ценит, – тут же отметил начальник штаба. – Прорвали оборону, только брызги летели.

– Да уж, повоевали, – согласился Болотов. – Намылили ряшку фрицам.

– Орден или майорские погоны наверняка светят.

– Не за награды сражаемся, – солидно отозвался комбат. Глядя на приближавшиеся самоходки и танк, вдруг изменился в настроении. – Ну, Чистяков, сукин сын. Угробил мне два танка. Копошился где-то, прибыл наконец. Встречайте героя!

– И свою вторую машину на буксире тянет, – обратил внимание комбата его начальник штаба. – А третью, наверное, тоже потерял.

– Долго он нам на подмогу тащился. Я с него за два угробленных танка спрошу. Вот, доверься таким.

– Больше шума, чем дела, – охотно подтвердил начштаба, тоже ожидавший очередного капитанского звания.

Глава 3. Командир батареи Чистяков

Командиру батареи тяжелых самоходно-артиллерийских установок СУ-152 Александру Александровичу Чистякову исполнилось в январе двадцать один год. Своей должностью и коллективом старший лейтенант гордился. Не зря их машины получили прозвище «зверобой».

Были специально разработаны в сорок третьем году против новых немецких танков «тигр» и «пантера» и зачастую выходили в поединках победителями, размалывая гордость вермахта тяжелыми шестидюймовыми фугасами.

Родом Саня Чистяков был из села Коржевки, что в глубинке Ульяновской области. Закончил десятилетку и даже поступил в техникум, но отучиться не успел ни одного дня, началась война. Работал в МТС, где некоторым специалистам давали бронь. К тому же директор МТС, которому нравился самостоятельный грамотный парень, хотел выдать за него замуж младшую дочь Катю.

Катя была хороша собой, уже приходили сваты. Но директор, мужик проницательный, не хотел повторить ошибки со старшей дочерью. Прилип городской из управления сельского хозяйства, увез из села, а жизнь толком не сложилась. Запойный и нукудышный мужик оказался.

Для Кати он такой судьбы не хотел. Но Саня Чистяков намеки пропускал мимо ушей, а к младшей дочке относился равнодушно. Даже нос задирает, когда ловил ее взгляды. Влюбленными глазами смотрела на него Катя, хотела понравиться.

Потом лишь понял, что хорошая, не избалованная девка, хоть и директорская дочка. Обидевшись на показное равнодушие, Катя на фронт ему не писала до осени сорок третьего. Прислала лишь короткое письмо, когда погиб призванный в железнодорожные войска ее отец.

Вроде и не на переднем крае служил, только смерть на войне кругом ходит. Попал под бомбу через месяц после призыва, а был командиром батальона, в капитанском звании.

Саню Чистякова призвали на фронт в марте сорок второго. После короткой учебы попал в артиллерийский полк. Воевал на Юго-Западном фронте, выходил из окружения. Закончил училище в Челябинске, а в июле уже снова воевал на Курской дуге в качестве командира тяжелой самоходно-артиллерийской установки СУ-152.

Под Орлом был ранен и контужен – едва выбрался из горящей самоходки. Второе ранение получил за Днепром в начале сорок четвертого. За уничтожение двух «тигров» и смелость в боях был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Самым большим везением старший лейтенант Чистяков считал, что воюет в полку Ивана Васильевича Пантелеева. Получилось так, что Пантелеев командовал взводом, когда Саня учился в Челябинском танковом училище, затем стал командиром самоходной установки. А когда в сорок четвертом капитана Пантелеева выдвинули на должность командира полка тяжелых СУ-152, тот без колебаний назначил на должность батареи лейтенанта Чистякова.

Замполит полка, бывший заместитель горисполкома, возражал – слишком молодой, да и в партию еще не вступил.

– Примешь, если надо, – подвел черту Пантелеев. – Зато на передовой два года. Два «тигра» на счету, «пантеру» вместе с ним под Орлом прикончили, да и многое другое на счету имеет. Парень самостоятельный, с характером. Потянет батарею. И «старшего лейтенанта» присвоим сразу. Заслужил.

Замполит как раз лейтенантов с характером недолюбливал. Однако с командиром полка спорить не рискнул.

Из старых товарищей у Чистякова остался Вася Манихин, который был заряжающим в его экипаже с прошлого года. С Пашей Рогожкиным закончили Челябинское училище. Но у Рогожкина служба шла не слишком успешно.

За слабый характер (а может, за трусость) снимали с машины. Воевал в качестве десантника, где проявил себя и снова возглавил экипаж самоходки. С тех пор так и оставался командиром машины, получив недавно «лейтенанта» и первую свою награду, медаль «За боевые заслуги».

Просился в батарею к Чистякову, но Александр отказал.

– Не получится, Пашка, у нас с тобой. Мне ведь не только воевать, но и людей в бой посылать придется, а ты на меня оглядываться будешь. Обиды пойдут... служи там, куда определили. Глядишь, скоро сам командиром батареи станешь.

– Как же, стану! Скорее снаряд немецкий в лобовину получу.

– Хватит ныть, – разозлился Саня. – У тебя экипаж, чего тоску нагоняешь? Снова очко перед наступлением играет?

– Зато ты герой, – огрызнулся старый дружок и направился было в свою батарею.

– Постой!

Обнял за плечи, посидели, покурили. У обоих на душе вроде легче стало.

На захваченные немецкие позиции подтянулась пехота. Хоть и не слишком грамотный, но быстрый прорыв танков уберег ее от больших потерь. От танкового батальона осталась одна треть, да и оставшиеся машины имели повреждения.

Самоходка старшего лейтенанта Чистякова требовала ремонта. Снаряд, ударивший в боковую часть рубки, смял броню, лопнул шов. Кроме того, крупным осколком погнуло тягу. Ее кое-как привели в порядок, но без помощи ремонтников не обойтись.

Степа Авдеев хоть и не отошел от последней тяжелой раны (а всего четыре раза был контужен и ранен), но поединок с «пантерой» провел грамотно. И вообще, кроме всякой мелочи, имел на счету штук пять уничтоженных немецких танков, за что удостоили его недавно первой награды – ордена Красной Звезды. Хоть и сорок четвертый год, а награждают скупно. Особенно рядовых да лейтенантов. Правда, за «пантеру» что-то должен получить и Авдеев, и его экипаж.

От смертельных попаданий сумели уйти. Но упавшая на жалюзи горящая береза и вспыхнувший сушняк хорошо лизнули пламенем двигатель. Броня сильная, но везде масло, солярка – загораются быстро.

Раскидали горящие ветки, спихнули тяжелый березовый ствол. Кое-как, на глохнувшем двигателе вывели машину в безопасное место. А дальше тащил «зверобоя» на буксире командир батареи Чистяков.

Пока тушили огонь, получил ожоги весь экипаж, а стрелка-радиста и наводчика пришлось отправить в санитарную роту. Ходивший туда вместе с ними Степан Авдеев рассуждал:

– На что эта «кошка» метко садилась, но сумели уйти от попаданий и прихлопнуть гадюку. А тут какая-то горящая береза да сушняк едва машину не сожгли и двух ребят на санитарные койки уложили.

Начальник санчасти, майор-хирург, перевязав Авдееву обожженные кисти рук, взгляделся в землисто-желтое нездоровое лицо лейтенанта. Ощупал пальцами живот, оттянул веки, рассматривая зрачки:

– Тебе бы, парень, в госпиталь на обследование. Печенка дает о себе знать?

– Бывает, – закашлявшись, ответил Степан.

– И легкие тоже просветить бы...

– Это я дыма наглотался.

– Нет, это последствия сильного удара. Лечиться тебе надо. Курево бросить и спирт не хлебать.

– И баб не трогать, – подхватил Авдеев.

– Трогай. На большее, судя по всему, сил у тебя не хватит. Нет, паря, поговорю с Пантелеевым и отправлю тебя в госпиталь.

– Помирать, что ли, там? Уж лучше на свежем воздухе, в бою, чем на больничной койке.

– Шутник... ладно, иди.

Когда вернулся на батарею с перевязанными руками, попросил Чистякова, морщась от боли:

– Саня, налей граммов сто пятьдесят. Рука ноет, сил нет. Мы все свои запасы сгоряча прикончили. Да еще хирург на нервы действует, в госпиталь обещает отправить.

– Нормально, полежишь, отдохнешь. Плохо, что ли? – сказал заряжающий Вася Манихин. – Мне бы кто предложил, я бы не отказался.

Степану налили полкружки разбавленного спирта, отрезали хлеба и сала. Чистяков приказал Манихину отнести спирта ребятам из экипажа Авдеева.

Опрокинув хорошую порцию спирта, Степан повеселел, грыз черствый хлеб с салом. Посмеивался над собой.

– Это ж надо! От снарядов спаслись, а горящая береза и сушняк едва нас, как курят, не поджарила. И двигатель, как назло, сдох. Кое-как запустили. Молодец Иван Крылов, не растерялся.

– Экипаж у тебя крепкий. Надо в представлении обязательно наводчика Колю Лагуту указать. Ну, и на Крылова я бумагу подпишу. Хоть чем-то ребят подбодрить.

Саня, тоже выпивший, свернул для товарища сигарку. Протянул, чтобы тот языком склеил скрутку.

– Насчет того, что вы чуть не сгорели, чему удивляться? Бронебойные болванки летят, от жара аж светятся. В момент все вокруг поджигают. На войне многое глупо. Помнишь командира третьей батареей? Два раза в легких танках горел, воевал с лета сорок второго. А погиб в прошлом месяце в километре от передовой. Фугас такую же березу в щепки разнес, ему обломок голову пробил. Даже до санчасти не успели донести.

– Если бы танкошлем носил, может, и контузией бы отделался, – сказал Колесник.

Вася Манихин, знавший эту историю, вмешался:

– В него полено с полпуда весом летело. Никакой танкошлем не помог бы.

Какой величины была деревяшка, погубившая командира батареей, никто толком не видел. Спор сам собой прекратился, а Степан Авдеев, вздохнув, заявил:

– Опасные эти «кошки». Оптика хорошая, метко «пантера» бьет. Снаряды впритирку шли, машину сжатым воздухом едва не подкидывало, а у нас вес сорок с лишним тонн.

– Скорость большая, – сказал Чистяков. – Ствол длиной пять с лишним метров, разгоняет болванку хорошо. Я видел под Орлом, как «тридцатьчетверки» мгновенно вспыхивали.

– Они и сейчас не хуже горят, – щелчком отбрасывая самокрутку, отозвался Болотов. – Две штуки сегодня «пантера» уделала. Сгорели машины вместе с экипажами.

Авдеев хотел обругать Болотова, но раздумал. Комбат тут ни при чем. «Пантера» в засаде сидела. Это после майор растерялся, пока экипаж Степана с немецкой «кошкой» поединок вел.

Остатки танкового батальона и самоходки стояли в редком сосняке.

Защита так себе, но лучше, чем открытое место. Пехотинцы восстанавливали обрушенные траншеи, окапывалась противотанковая батарея.

Основная часть пехоты, в том числе и на грузовиках, находилась здесь же, в лесу. Отдыхали и ждали команды. Наступать без поддержки танков опасно. Уцелевшие экипажи по приказу хозяйственного капитана Болотова рыли капониры.

Понемногу копали укрытия и самоходчики. Только работников не хватало. Почти весь экипаж Авдеева получил ожоги, механик Крылов ковырялся в двигателе.

У Чистякова контуженный наводчик Хлебников прилег отдохнуть. В санроту он не пошел, сказал, что пройдет и так. Но и без контузии Федор Хлебников, вдоволь перекопавший земли на стройке еще до войны, это дело не любил.

За троих работал бывший колхозник, начинавший свой путь в пехоте, Вася Манихин. Старался стрелок-радист Леша Савин, работал и Чистяков. В таких вопросах все были равны.

Подошел комбат Болотов. После приятного разговора с комполка, он тоже выпил и обходил свое хозяйство, куда временно входили обе самоходные установки. Настроен капитан был благодушно. В разговоре с Полищуком он уловил намек на майорское звание, которое полагалось ему и по должности, и по выслуге.

Угостил папиросами Чистякова и Авдеева. Посочувствовал Степану Авдееву.

– Болят ожоги?

– Ноют, мать их так!

– Знакомое дело. Меня тоже крепко под Киевом прижало. Два месяца в госпитале отлежал. Ну, «пантеру» ты мастерски накрыл. Считаю, орден тебе обеспечен.

– Я не против, – засмеялся Авдеев. – Экипаж только не забудьте. Воюем вместе.

– И экипаж представлю. К медалям. Опасная штука, я подъезжал. Хотя боковая броня так себе. А ты, Александр, капониrom занялся, – капитан наконец обратил внимание на Чистякова. – Нужно дело.

Старший лейтенант подрубил лопатой корень. Выбросил наверх очередную порцию песчаной земли и, разогнувшись, ответил:

– Кому танки подбивать, а кто землю рыть умеет. Каждому свое.

И снова заработал отточенной лопатой. Шанцевый инструмент в его батарее содержался в порядке. Оба экипажа самоходчиков насторожились. Своего комбата (то бишь командира батареи) они уважали за решительность в бою, меткую стрельбу и простоту в обращении. Если разобраться, то Болотову следовало сказать ему спасибо за успешный прорыв обороны.

По каменистой никудышной колее, рискуя свалиться с откоса, Чистяков вывел четыре машины во фланг немецкой обороны. Разбили три дота, закопанный в землю Т-4, три пушки и минометы.

Узелок еще тот! Разведку фрицы в момент прикончили. А двинулся бы напролом батальон, сожгли бы его орудийным огнем из своих каменных укрытий.

Болотов потоптался, похвалил еще раз Авдеева. Он знал, что несправедлив к командиру батареи, но сумел убедить себя, что сам сыграл главную роль. А Чистяков лишь немного помог.

Скоро подъедет командир полка, дотошный хохол Полищук, начнет расспрашивать, что и как. И получается, что пришлый командир батареи взял инициативу в свои руки. Размолотил основные укрепления и дал возможность батальону развить успех.

Портил настроение и другой факт. Бежавшие из укрепления расчеты орудий, минометов и остальной гарнизон, отсидевшись в укрытии, незаметно отступили. И ушли бы безнаказанно, если бы не угодили под удар мотопехотного полка.

Танков у пехоты не было, зато имелись в достатке пулеметы. Да и что для штурмового полка какая-то сотня отступающих фрицев? Побили-постреляли на ходу и еще хвалились трофеями.

И будто нарочно, чтобы подразнить Болотова, подарили Чистякову в благодарность за разбитые укрепления пятнадцатизарядный автоматический «вальтер», который тот передал своему наводчику. У Чистякова имелся штатный ТТ и трофейный «парабеллум». В третьем пистолете он не нуждался. Мог бы догадаться и подарить Болотову. Не захотел, гордый слишком!

На самом деле Саша Чистяков о подарке сильно не задумывался. Увидел, что Васе Манихину понравился вороненый, хорошо отделанный пистолет, да еще с таким емким магазином,

вот и подарил. Тот обрадовался, нацепил кобуру сразу на пояс и обещал поставить на ужин фляжку спирта.

Наводчик Хлебников, дремавший в тени, приоткрыл один и другой глаз, перевернулся с боку на бок.

– Лейтенант Авдеев – молодец. Совершенно справедливо вы это, товарищ капитан, заметили. Наводчик у него, Лагута Иван, метко бьет. И остальной экипаж награда достоин. Миша Щуков отличным командиром был. Погиб в атаке вместе со всем экипажем, как герой.

Хлебников, кряхтя, поднялся и, загибая пальцы, стал перечислять:

– Мы двумя самоходками и с вашим взводным хорошо укрепления покрошили. Дот был, стены метр толщины. Вдребезги! Два пулеметных дота тоже в пыль. Всю артиллерию и танк закопанный раскатали.

Болотов понял, что самоходчики специально не упоминают своего командира. Издеваются над капитаном или ждут, что он сам заслуги Чистякова отметит.

Комбат посопел, хотел сказать что-то доброе в адрес Чистякова. Мешало самолюбие. В мозгу туго провернулась другая мысль. Он отрывисто приказал, ни к кому не обращаясь:

– Поглубже капониры ройте. Ваши «сушки» покрупнее танков. Их укрыть надежнее надо.

– Не «сушки», а «зверобои», – поправил капитана обычно молчавший лейтенант Авдеев. – Товарищ Чистяков два «тигра» под Орлом уделал, а мы «пантеру» сегодня, не считая мелочовки.

Болотов ничего не ответил и зашагал в сопровождении помощника к себе. Поговорили, как меду напились.

Подшли основные силы. Тяжелые самоходно-артиллерийские полки, насчитывающие ранее по штату двенадцать машин, укрупнились. Планировалось увеличить число машин в батареях до пяти вместо трех и довести численность полка до двадцати одной самоходной установки.

Но все это были лишь планы. В связи с нехваткой техники полк Пантелеева, понесший значительные потери, получил лишь четыре машины. Одну из них подполковник передал Чистякову.

День клонился к вечеру. Ремонтники занимались поврежденными самоходками. Подвезли боеприпасы, горючее, неподалеку окапывалась пехота.

– Четыре получили, а три сгорели, – подводил итог Пантелеев. – Еще три ремонтируют. Две машины в тыл отправили, повреждения слишком тяжелые. Погибших больше двадцати человек.

Вместе с начальником разведки майором Фоминым он ненадолго задержался в батарее Чистякова, одного из немногих старожилов в полку. Говорили о сложившемся положении. На их участке дела шли пока неплохо, но южнее, на подступах к Львову, наступление буксовало.

– Видимо, часть войск туда перебросят, – сказал Пантелеев. – Насчет нас приказ к ночи должен подойти. Слышал, сегодня вы неплохо действовали.

– Одна машина вместе с экипажем сгорела, – отозвался Чистяков. – Механик успел выскочить, его миной накрыло. Но хоть опознали. А от четырех человек головешки остались. Завернули в плащпалатки и вместе с танкистами похоронили.

– Кстати, как у тебя с ними взаимодействие?

– Нормально.

Пантелеев был проницательным человеком и догадывался, что у командира батареи с комбатом Болотовым дружбы не получилось. Ничего особенного в этом не было. Между самоходчиками тяжелых батарей и танкистами нередко возникали споры. Танкисты старались вытолкнуть вперед хорошо защищенные САУ с их мощными пушками.

Считали, что им безопаснее пробивать оборону (броня 75 миллиметров) и орудия шесть дюймов. При этом не учитывали, что и у самоходок достаточно уязвимых мест. При массе в сорок пять тонн двигатель был лишь немногим мощнее, чем у «тридцатьчетверок», что сказывалось на скорости (на 12–15 км в час меньше, чем у Т-34).

Кроме того, самоходные полки имели втрое (а то и вчетверо) меньше боевых машин, чем танкисты. А те немногие приданные танковым бригадам и полкам самоходки предназначались для действий на сложных участках, уничтожения укреплений и тяжелых танков противника.

Да и усиленная броня уже зачастую не спасала от новых немецких орудий, подкалиберных и кумулятивных снарядов. Старший лейтенант Чистяков свою задачу выполнил, но и цену заплатил немалую.

Одна машина сгорела, ремонт двух других обещали закончить к утру. В санчасти находились двое обожженных самоходчиков. Туда же пришлось отправить наводчика Хлебникова, которому к вечеру стало плохо после контузии.

Пантелеев направился дальше по своим делам.

– Отдыхай, Сан Саныч, – и подмигнул. – Ужин скоро подвезут.

Пока ждали ужин, познакомился с новым командиром самоходки Кузнецовым Никитой. Среднего роста, с волнистыми русыми волосами и мягкими, почти детскими чертами лица, он стоял по стойке «смирно».

– Не надо тянуться, – сказал Александр. – Ты теперь не в училище, а на передовой. Садись, рассказывай, откуда прибыл.

Оказалось, что новому командиру девятнадцать лет. На что сразу отреагировал Вася Манихин.

– Молодежь присылать стали. В прошлом году обкатанные ребята приходили.

– Помолчи, Василий. Сходи, насчет ужина узнай. Савина с собой возьми, котелки и фляжки для всех трех экипажей. У Степана Авдеева люди ожоги получили, некому идти.

– Ясно. Я для новичков харчи за счет погибшего экипажа Щукова получу.

– Не мудри. Кузнецова с экипажем уже на довольствие поставили.

– Но водку, которая ребятам погибшим положена, я все равно заберу. Помянем, как следует.

– Шагай, шагай... Значит, Никита, в боях еще не участвовал?

– Не приходилось, – почти виновато пожал плечами лейтенант.

Действительно, в 1943 году, когда тяжелые самоходные установки только появились в войсках, их укомплектовывали, как правило, опытными специалистами. Не просто самоходки, а «зверобои», оружие против «тигров» и «пантер». Экипажи состояли из офицеров и сержантов, имевших боевой опыт. Уже в первых столкновениях немецкие тяжелые танки стали нести значительные потери от огня самоходных установок СУ-152.

Сейчас, когда самоходно-артиллерийских установок стало больше (а сколько было потеряно в боях!), командирами машин ставили зачастую молодых выпускников училищ, выбирая по возможности лучших.

Оказывается, Никита Кузнецов, родом из города Чусовой, после семи классов работал полтора года на военном заводе в Челябинске. Закончил танковое училище, а затем пятимесячные курсы усовершенствования комсостава бронетанковых войск.

– Сколько же тебя натаскивали? – удивился Авдеев.

– Одиннадцать с половиной месяцев.

– Да ты академик, а не командир. Небось, все науки постиг?

Никита растерянно улыбнулся и развел руками.

– Так получилось.

– Боевые стрельбы проходили?

– В училище так-сяк. А на курсах, перед окончанием, шесть раз по мишеням стрелял. Больше на теорию налегали.

– В цель-то хоть попал?

– На «хорошо» отстрелялся.

– Ну, все! Плакали «тигры».

Вернулся с полными котелками, вещмешком и несколькими фляжками сержант Вася Манихин, который брал в помощь стрелка-радиста Лешу Савина.

– В честь прорыва шрапнель с тушенкой сварили, пропади она пропадом, – ругнулся заряжающий.

Как и большинство в армии, он терпеть не мог перловку, которой пичкали чаще всего. Правда, в придачу к перловке выдали сало, компенсацию за обед. Водки Манихин выбил двойную порцию. Долго и сварливо спорил, что вчера водку не выдавали, и своего добился.

– Чего, по двести граммов много, что ли? Сало, хлеб, консервы трофейные имеются. Прочитай, Лешка, что там написано.

Грамотный стрелок-радист, шевеля пухлыми мальчишескими губами, сказал, что в банках тунец и сосиски.

– Сосиски мы и без тебя видим, – вскрывая банку ножом, заметил механик Колесник.

В самый торжественный момент, когда разлили по кружкам водку, а новый экипаж лейтенанта Кузнецова пускал слюни, глядя на такое изобилие, явился посыльный от Болотова. Вежливо козырнув, сообщил:

– Вас, товарищ старший лейтенант, комбат на ужин приглашают.

– У нас свой ужин, не хуже, – заявил Матвей Колесник. – Друзей погибших поминаем. Пятерых ребят сегодня похоронили. Можем за них выпить?

– Конечно, – растерялся посыльный. – Только товарищ комбат очень ждут, картошки с мясом нажарили.

– За что такое высокое приглашение? – не отставал от парня Колесник. – Вы герои, вам картошка с мясом положена, а мы шрапнелью обойдемся.

Зловредный механик не мог простить Болотову пренебрежения к своему командиру и экипажу.

– Ладно, хватит человека мурыжить, – вмешался Чистяков. – Пойду, схожу на полчаса. А вы не ждите, ешьте-пейте.

– Если там слабо угостят, – крикнул вслед Матвей Колесник, – мы тебе водки оставим. Не задерживайся, будем ждать.

Комбат Болотов сидел с компанией на куске брезента. Среди присутствующих был еще один комбат, начальство, какой-то майор. Командиров своих рот Антон Герасимович Болотов на ужин не пригласил. Это Чистяков заметил сразу и козырнул майору, который был здесь старшим по званию и наверняка по должности. Скорее всего, из штаба танкового полка.

– Не тянитесь, старлей, – небрежно махнул Чистякову майор. – Не на плацу. Присаживайся.

Компания уже изрядно хватила. Налили Сане, провозгласили тост за победу. За день Чистяков крепко проголодался. Зачерпнул из банки ложку тушенки, намазал на кусок хлеба.

– Мясо с картошкой ешь, – сказал комбат. – Еще теплое. К твоему приходу подогрели. Ну, давайте за друзей-самоходов выпьем.

– А они того заслужили? – вроде в шутку спросил майор слегка заплетающимся языком.

– Заслужили, – заверил Болотов. – Воевали, как надо. Без них туго бы пришлось. Укрепления раздолбали, противотанковую батарею, «пантеру» сожгли.

Выпили. Санинструктор танкового батальона Егор Долгов подвинул Чистякову ложку:

– Ешьте, пока не остыла. Со свиной жарил.

– Спасибо, – отозвался Саня. – Я на десяток минут к вам зашел. Меня там экипажи ждут, товарищей поминать будем.

– А здесь тебе не товарищи? – вскинулся майор. – У тебя одна самоходка накрылась, а у Антона половина батальона. Вот кого помянуть надо. Его танки в упор расстреливали, а он прорывался. И «Красное Знамя» заслужил по праву.

Пришлось выпить еще, чтобы не раздражать майора. Капитан Болотов, видя, что Чистяков чувствует себя не в своей тарелке, поднялся.

– Пойдем, провожу, Александр, – когда отошли на десяток шагов, крепко пожал руку. – Иди, отдыхай. Спасибо за поддержку. Не обижайся, если что не так...

– Нормально, – ответил Чистяков и зашагал к своей батарее.

Все три экипажа успели хватить и по первой и по второй. Оживленные, встретили командира, тут же набухали полкружки. Подняли тост за погибших, затем за победу.

Смахнули трофейные консервы, надоевшую перловку. Перебивая друг друга, вспоминали детали сегодняшнего боя. Экипаж Кузнецова больше молчал. Новички, они пока себя ничем не проявили и слушали, что говорят бывалые бойцы.

– Правда, что Болотова к «Красному Знамени» представили? – закуривая, спросил Матвей Колесник.

– Говорил что-то такое майор из штаба, – ответил Чистяков.

– Интересно, за какие такие заслуги? Две трети батальона угробил, мыкался туда-сюда, не знал, что делать. Укрепления, считай, мы разбили. Одна «пантера» могла его танки добить. Степа Авдеев ее уничтожил. Значит, капитану орден, а нам...

– Хватит, Матвей, – морщась, перебил его старший лейтенант. – Чего делить? Вместе воевали. Не мы, а танки впереди шли. Сколько ребят из батальона сгорели.

– Я насчет ребят молчу. Просто не понимаю, за какой хрен из Болотова героя сделали? Суетился без дела, сколько танков впустую потерял.

– Если не прекратишь свои дурацкие счеты, я спать пойду. Мало сегодня всем досталось? Ты еще склоки добавляешь.

На Колесника дружно обрушились Авдеев и Манихин. Чистяков приказал прекратить свару, понемногу успокоились, допили остатки и отправились спать.

С утра Матвей Колесник заварил два котелка иван-чаю. В травах механик разбирался, и чай получился не хуже настоящего, тем более сахар имелся.

Вчерашний спор не вспоминали. Налетели два «мессершмитта», сбросили несколько мелких бомб. Но разгуляться им не дали. Открыли огонь крупнокалиберные пулеметы, которые имелись в самоходно-артиллерийском полку и у пехоты.

Сбить никого не сбили, но «мессеров» прогнали.

– Это вам не сорок второй год, – погрозил вслед кулаком Вася Манихин.

До полудня занимались ремонтом, маскировали машины. Вместе с обедом пришла почта. Саня Чистяков получил сразу два письма. Одно от матери, другое от Кати.

Всегда радуешься письмам из дома и всегда невольно ждешь плохих новостей, хотя мать старалась не расстраивать сына. Отец, после тяжелого ранения еще в сорок втором году, служил старшиной в саперном батальоне.

Хотели комиссовать, но раздумали. По-прежнему командовал взводом. Какие потери несут саперы, Саня нагляделся, когда их саперная рота под огнем разминировала проходы в минных полях и наводила переправы. За год с небольшим на три четверти состав сменился.

А каково там отцу в его сорок девять лет, да еще с перебитой ногой? Больше всего беспокоила судьба младшего брата Феди. Он закончил пару месяцев назад училище связи, получил «младшего лейтенанта» и воевал где-то севернее.

Короткая жизнь на фронте у этих «шестимесячных» лейтенантов. Рвутся вперед, стараются доказать свою смелость, а опыта никакого. Бесплезно учить в письмах осторожности, не лезть без нужды на рожон. Федя, хоть и в отца, рассудительный, не такой шустрый, как Саня, но война есть война.

Хуже всего, если попадет под начало дурака-командира, вроде майора Швыдко, танкового комбата, совместно с которым действовала их батарея летом сорок третьего.

Тому чужая жизнь – копейка. И танкистов в лобовую атаку гнал, прячась за их спинами. А уж если связь нужна, погонит в пекло весь взвод, пусть хоть все там останутся.

Писала мать о погибших односельчанах. Некоторые вернулись. Матери до смерти рады, а на ребят смотреть, слезы льются. Пришел после госпиталей сосед по улице, Миша Шуваев. Получил тяжелую контузию, руки-ноги ходуном ходят, едва шагает с костылем под мышкой. Без ноги вернулся другой приятель. Пьет с тоски, места себе не находит.

И обязательная приписка в конце: «Береги себя, Санечка. Богу молюсь за тебя с Федей и отца. Без вас жизнь мне не нужна». И клочок бумаги с молитвой-заговором. Носи ее, Саня, всегда в левом кармане напротив сердца и не потеряй.

В сорок втором еще неизвестно, как бы цензура посмотрела. Могла и выкинуть молитву с крестами. Но теперь много церковью пооткрывали. Даже в Москве главные патриархи в соборах за победу русского оружия молятся. Бумажку с заговором положил, как было велено матерью, в карман гимнастерки.

Распечатал письмо от Кати, несостоявшейся невесты. Другая бы обиделась, а девчонка пишет. Правда, ни о каких чувствах речи не идет. Исчезла былая глуповатая влюбленность, которая читалась когда-то в глазах. Может, прошли чувства, может, скрывала. Но письма продолжала слать регулярно, хоть и не часто.

Ровным ученическим почерком рассказывала о друзьях и знакомых. Напомнила, что недавно была годовщина со дня гибели отца. Работала Катя нарядчиком в МТС. Людей и техники осталось мало, сама на станцию за горючим и запчастями ездит, а на посевной работала в поле. И суховатое окончание: «Желаю встретить победу и вернуться домой. Катя».

Саню, то бишь командира батареи Чистякова Александра, эта сухость задевала. К чему отвечать на такие школьно-комсомольские послания? Но знал, ответит или нет, месяца через два-три придет очередное письмо. Хоть бы фотокарточку выслала. Жду, мол, встречи, помни обо мне. В отца Катя характером пошла. А если пишет, то ответить надо.

Второй день простояли в этом же лесу. Пару раз налетали немецкие самолеты, но их отогнали наши истребители. Все три самоходки починили. Ребята из экипажа Степана Авдеева вернулись из санчасти. Ожоги не слишком сильные, хоть и болезненные.

– Мы их спиртиком потихоньку лечим, – сообщил белорус Николай Лагута, светловолосый, улыбчивый парень.

Его тут же поддержал наводчик командира батареи Федор Хлебников:

– И мне для головы полезно.

– У тебя сотрясение мозга, – заявил Чистяков. – Нельзя спирт пить.

– Мало мою башку за два года трясли, – отмахнулся Федор. – Крепче будет.

Саня с Хлебниковым спорить не стал. На отдыхе все считали законным делом принимать «наркомовские» и сверх того. Но меру знали. А в бой танкисты и самоходчики выпивши не ходят. Верная гибель, когда реакция ослаблена. Ни один командир в машину пьяного не допустит.

Хотя тот же комбат Швыдко, чей батальон прикрывали самоходки в сорок третьем году на Курской дуге, трезвым не воевал. Но танк майора всегда находился за спинами подчиненных. Капитан Болотов в этом отношении более порядочный. Идет в бой в первых рядах, хотя не хватает ему быстроты в принятии правильных решений и нередко идет на поводу у начальства.

Полицук в нем особых талантов не видел, но выдвинул в комбаты, как послушного командира. Старается беречь свои экипажи Болотов. Ребята в них ровесники его сына. Только чего эта жалость стоит, если за день столько танков угробил? Где не надо – торопится, а где быстро действовать следовало, раздумывает, медлит, глядя на горящие машины.

А с другой стороны, на войне жалость порой бедой оборачивается. Лучше меньше задумываться об этих вещах. Сам Чистяков тоже не ангел, поначалу лез напролом, куда и не следовало бы. Сейчас немного опыта поднабрался.

Пришел начальник разведки полка Фомин Григорий Иванович. Молодой, энергичный, в двадцать семь лет уже майор и три ордена на груди. Спросил Чистякова, в каком состоянии находятся машины.

– В нормальном, – ответил старший лейтенант. – Чего-то новое сообщить хотели?

Хотя и дали временную передышку, но наступление фронта продолжалось. Где успешно, а где помедленнее. Все понимали, долго загорать не дадут. Наверняка не сегодня-завтра бросят снова в бой.

– Подо Львовом буксуют наши, – доставая папиросы и угостив Чистякова, негромко рассказывал обстановку начальник разведки, хотя это не было новостью.

Поглядел на механика Колесника, подошедшего к ним.

– Чего надо?

– Да я насчет ремонта. Успеем тяги поменять?

– А что, они не в порядке?

– В порядке, но лучше бы заменить...

– Знаешь, Матвей, не морочь голову, – разозлился Чистяков. – Иди, делом занимайся.

– Ну, тогда папироской угостите.

Матвей Прокофьевич Колесник не был таким бесцеремонным, как могло показаться. Воевал на танках, хорошо водит самоходку, медалью «За отвагу» награжден. Получив папиросу, вежливо поблагодарил и снова вернулся к машине.

– Нервы у людей играют, – оправдываясь, проговорил командир батареи. – Каждый час ждут приказа выступить, а начальство все тянет.

– Тянет, потому что ткнулись и хорошо морду разбили. Вместо «ура» впору остановиться да подумать.

Начальник разведки полка в обращении простой. Там, где не требуется, секреты не громоздит. Рассказал, что южнее Львова наступление идет неплохо. Севернее города наши войска тоже продвигаются, но с сильными боями. Ну, а перед Львовом, как Чистяков уже знал, движение застопорилось.

– Пока с флангов пути отхода немцам не заблокируем, – продолжал Фомин, – они зубами город держать будут. Лишь когда опасность окружения почувствуют, тогда отходить начнут.

Майор помолчал, закурил новую папиросу.

– В стратегию вдаваться не будем, это дело высшего командования. У нас своя конкретная задача. Меня назначили командиром разведывательно-штурмовой группы, предстоит рейд в направлении реки Сан. По прямой это около ста километров. Будем прокладывать путь войскам на северном фланге.

– Большая группа?

– Танковый батальон Болотова, две батареи наших самоходок, в том числе твоя батарея. Саперы, десант, ну и разведка – два бронетранспортера и мотоциклы.

– Кроме Болотова, никого не могли найти? – спросил Чистяков.

Фомин внимательно поглядел на старшего лейтенанта.

– Не заедайся, Александр. В танковом полку большие потери. Одним батальоном вчерашний командир роты командует, на фронте без году неделя. В другом вообще непонятно

кто. А Болотов, худо-бедно, справляется и на рожон без нужды не лезет. В общем, готовься. Кстати, танковый батальон усилили, довели штатную численность до полного состава.

– Кроме моей, чья батарея пойдет?

– Первая, капитана Глущенко.

– Нормально, – отреагировал широкой улыбкой Чистяков.

Сергей Назарович Глущенко служил в армии лет десять – кадровый военный. Когда решался вопрос, кого ставить командиром полка, выбор был между Глущенко и Пантелеевым. Поставили Пантелеева, учитывая его умелые действия на Курской дуге и под Киевом.

Глущенко был спокойным, сдержанным по характеру. Опыта имел достаточно, Саня часто навещался к нему и по делам, и в гости. Сейчас он был рад, что пойдет в паре с первой батареей.

После разговора с начальником разведки сходил к Глущенко. В первой батарее тоже шла срочная подготовка. Как назло, барахлил двигатель одной из машин. Капитан вместе с экипажем спешно занимался ремонтом.

– Пять минут, Саша, – сказал он, вытирая ветошью замасленные руки. – Некогда. Скорее всего, в ночь выступим.

Покурили. У Чистякова вертелся на языке вопрос:

– Слушай, Назарыч. Почему в группу аж две батареи самоходок включили, а танков всего батальон? Мы же поддержка, а не основная сила.

– Сюрпризов по пути много предвидится. И доты, и новые танки. Немцы «пантеры» активно производят, хоть и недешевая машина.

– И «тигры» тоже.

– Ну, «тигров» гораздо меньше. Зато их используют умело. Сам знаешь, одна машина из засады порой роту «тридцатьчетверок» почти полностью уничтожала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.